

Михаил Ламм

ОЛЕСЯ

Михаил Ламм

Олеся

«Издательские решения»

Ламм М.

Олеся / М. Ламм — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969243-6

Сын богатого бизнесмена, выпускник Йельского университета, по воле смертельно больного отца отправляется в глухую сибирскую деревню. Никто даже не мог предположить, чем обернется для него это путешествие. Он никогда уже не будет прежним человеком. Да и человеком ли?

ISBN 978-5-44-969243-6

© Ламм М.
© Издательские решения

Содержание

Олеся	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олеся

Михаил Ламм

Иллюстратор Арина Захарова
Корректор Алексей Леснянский

© Михаил Ламм, 2019

© Арина Захарова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-9243-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олеся

Глава I

Коммуникатор на столе отца мелодично звякнул, и из него раздался голос секретарши:
– Лев Михайлович, к вам Виктор Иванович Терехов. И вам пора принять ваше лекарство.
– Спасибо, Вика. Сделай нам, пожалуйста, еще три кофе.

В кабинет тем временем вошел Виктор Иванович, для меня с детства – дядя Витя. Он работал с отцом, сколько я себя помнил. Охранником, помощником, а с недавних пор – младшим партнером. Почти член семьи. Как всегда, подтянутый, словно снял с себя военную форму не тридцать лет назад, на закате перестройки, а только вчера. Его лицо, строго говоря, нельзя было назвать волевым, но шрам, протянувшийся через щеку и рассекавший верхнюю губу, придавал ему недостающую суровость. Заработал сей боевой трофей дядя Витя вовсе не в Афгане (там он отделался только язвой желудка), а на одной из регулярных «стрелок» в подмосковном лесу. Для тех, кто хорошо его знал, этот шрам служил надежным индикатором, сигнализирующим о настроении хозяина. Когда дядя Витя выходил из себя, шрам белел, хотя лицо его при этом оставалось спокойным и доброжелательным.

Дядя Витя, конечно, мог входить к моему отцу, президенту и владельцу крупнейшего в России издательского дома, без предупреждения, но новенькая секретарша Вика, наверное, об этом еще не знала.

– Не помешаю, Лева? Привет, студент. Или уже не студент? – дядя Витя обнял меня, после чего по-хозяйски уселся в мягкое кресло.

– «Пи-эйч-Ди», дядя Витя. Доктор философии по-нашему. Молодой и красивый. Прибыл прямо из Америки в ваше распоряжение, – я, дурачась, отдал честь и щелкнул каблуками.

– Оно и видно, что доктор философии. Только они могут руку к пустой голове прикладывать.

Тем временем Вика походкой профессиональной манекенщицы проследовала с подносом к столу, расставила чашки с кофе и удалилась, стрельнув напоследок в меня недвусмысленным взглядом. Словно из двустволки.

– Так вот, Саша, – продолжил начатый разговор отец, когда за ней закрылась дверь. – Я не говорил тебе, пока ты учился в этом своем Йеле, не хотел расстраивать. Последний год дела идут не очень хорошо. Моя болезнь, видимо, подвигла конкурентов активизироваться. Я пока не знаю кто, но кто-то из моих очень влиятельных врагов энергично вставляет нам палки в колеса. Я строил все это для тебя. Ты ведь знаешь, мне недолго осталось, – отец вскинул руку, останавливая мои возражения. – Тут ничего не поделаешь. Хотел передать тебе компанию процветающей и мощной. Но видишь, как получается.

Он надолго замолчал. Достал из кармана таблетки, видимо, те, о которых напоминала секретарша, запил глотком уже остывшего кофе. Мне было больно видеть отца таким. С каждым своим приездом на каникулы я замечал, как он сдает. Человек, который всегда был бойцом, он и сейчас сражался, но болезнь побеждала. Сколько ему? Пятьдесят семь всего-то. Еще год назад выглядел на сорок, а сегодня – на все семьдесят.

– Папа, ты не сгущаешь краски? И в любом случае, при чем тут твоя деревня? – я все-таки не понимал, какое все это имеет отношение к моей поездке в сибирскую глушь, на которой настаивал отец. – Если нужно экономить, я легко могу отказаться от путешествия на яхте с друзьями, которое планировал, и остаться дома, в Москве.

– Нет, что ты, не так все плохо. Дело не в экономии, – отец замаялся, пытаясь подобрать правильные слова, достал ингалятор, сделал несколько глубоких вдохов, помолчал. – Прости, но твой морской поход придется отложить. Я много тебе рассказывал о том, как создавал свой бизнес в девяностые. Про криминальные войны, про то, как мы отбивались от бандитов, от силовиков – тех же бандитов, только в форме. Многие из моих друзей, тех, с кем я начинал, не дожили до этого дня. И умерли они не от гриппа, как ты понимаешь. Вот Витя может подтвердить. Это сейчас конкуренты ходят по коридорам правительства и соревнуются в размере откатов. А тогда соревновались в быстроте реакции и меткости стрельбы. Так вот, я через все это прошел без единой царапины только благодаря... – отец снова замаялся, но через секунду решительно продолжил: – Только благодаря своему ангелу-хранителю. Можешь смеяться, можешь называть это простой интуицией, но всегда в самые критические моменты он подсказывал мне единственно верные решения.

– И сейчас он подсказывает тебе, что я должен ехать в Заречную? Ты хочешь меня спрятать в тайге? Все настолько серьезно?

– Да... Нет... Я не знаю. Я правда не знаю зачем. Но я привык доверять своему ангелу. Меня бы уже давно не было, если бы я его не слушал, поверь. Тебе во что бы то ни стало надо добраться до Заречной. Это очень важно... Можешь считать мою просьбу просто блажью. Пусть так. Но в нынешнем моем состоянии я имею право на блажь. – Отец снова помолчал, потом попытался улыбнуться, смягчить недвусмысленный приказ. – В любом случае, что плохого в том, чтобы провести свои последние каникулы, перед тем как запрячься в работу в нашем издательстве, на свежем воздухе и чистой природе? В конце концов, если процесс приносит удовольствие, не так уж важна цель. Виктор поможет тебе со сборами и организацией.

Виктор Иванович кивнул:

– Логистика – мой конек. Все сделаем в лучшем виде, Лева. Не беспокойся.

Эта глухая, забытая небесной и земной властью сибирская деревня, о которой говорил отец, была его родиной. Вернее, прародиной, потому что сам он никогда в ней не был, а пом-

нил исключительно благодаря семейной легенде, согласно которой моя прабабушка покинула Заречную еще на заре электрификации и индустриализации, выйдя замуж за бравого революционного геолога. Ее жизнь в новом для нее большом мире сложилась трагически. Она пропала в 1937 году, и только в конце восьмидесятых моему отцу удалось найти ее имя в списках арестованных «врагов народа». Обвинение под грифом «секретно» выглядело нелепой шуткой следователя НКВД: «Порча урожая и организация голода в Поволжье путем умышленного причинения плохой погоды». Ни больше ни меньше. О дальнейшей судьбе Варвары Костылевой, моей прабабки, не было сведений ни в одном архиве.

В общем, немного мог сообщить мне батюшка, отправляя в поездку по «родным местам». Все, что я слышал от своего отца, больше напоминало сказки Арины Родионовны.

«Конечно, ничего плохого. Экология и свежий воздух. Да и слово отца – закон. Так всегда было в нашей семье. Однако процесс процессом, а цель хотелось бы понять», – рассуждал я, глядя в иллюминатор «Боинга», который с каждой минутой уносил меня все дальше от дома, от Стива, моего однокурсника, с которым мы последний год строили грандиозные планы. Как поплывем вокруг Европы из Архангельска, в порту которого ждала нас отцовская яхта, через Бирмингем, где к нам должны были присоединиться наши подруги, в теплые воды Средиземноморья, с финишем в Стамбуле. И что теперь? Женька, моя подруга по Йельскому университету, гостила в Бирмингеме у девушки Стива, дожидаясь нас, морских волков. Обидится ведь смертельно. Не простит. Впрочем, что-то мне подсказывало, что долго горевать в одиночестве она не будет. Не тот человек. Да и серьезных планов на будущее у нас с ней не было. А Стиву я все объясню, он поймет. Отец есть отец, дело есть дело.

А невезуха есть невезуха. Вместо синего моря подо мной о чем-то там пело зеленое море тайги. А, ладно. Покормим комаров, разберемся, что имел в виду этот самый папин ангел, обрекая меня на путешествие. Прощай, Адриатика, прощай, Женька. Извини.

Под такие рассуждения и монотонный гул двигателей я, кажется, задремал в кресле, когда меня кто-то тронул за плечо. Я открыл глаза.

Передо мной стояла потрясающей красоты стюардесса. Как я мог ее раньше не заметить? У нее были длинные черные волосы, а взгляд огромных темно-карих глаз затягивал не слабее какой-нибудь космической черной дыры.

– Здравствуй. Значит, вот ты какой, принц на белом коне, – сказала стюардесса, беззастенчиво меня разглядывая. – Ну, в общем, ничего. Но если закроешь рот, то вид будет не такой дурацкий. – Она звонко рассмеялась.

– Что, простите? – я помотал головой... и открыл глаза.

– Я спрашиваю, вы что будете? Томатный, апельсиновый, яблочный?

Ко мне склонилась обыкновенная, средних лет, крашеная блондинка в униформе «Аэрофлота». Перед ней стояла тележка с пакетами разных соков и минералкой. Я, приподнявшись в кресле, оглядел салон. Никаких красавиц-брюнеток не было и в помине, а ремень безопасности, так и застегнутый с самого взлета, грубо и бесцеремонно заставил меня плюхнуться обратно на сиденье.

– Воду. Без газа, пожалуйста.

«Странные сны снятся в самолетах. Такие реалистичные», – решил я, залпом осушив пластиковый стаканчик.

Глава II

В аэропорту Красноярска меня встретили ветер, холодный моросящий дождь и парень, гармонирующий с погодой своим хмурым лицом. Он держал самодельную табличку «Костылев Александр Львович», то есть со мной любимым. Парень оказался водителем Мишей, которого нашел и нанял для меня Виктор Иванович.

– Костылев Александр, – вежливо улыбаясь, я протянул руку.

Никак не могу привыкнуть к тому, что люди при знакомстве не улыбаются и не смотрят в глаза. Расслабился в Америке. Теперь, в родных краях, мне все время кажется, что я делаю что-то не так, вызывая недовольство окружающих. В стране, где улыбка воспринимается как насмешка, надо осторожней скалить зубы. Целее будут.

Подхватив мой рюкзак, Миша забросил его в лимузин под названием уазик, ожидавший нас на аэропортовой парковке.

– А там больше ни на чем не проехать, – перехватил он мой скептический взгляд на это зеленое чудо советского еще автопрома. – Сегодня к ночи, бог даст, должны добраться до Крестовского, там переночуем, а утром на моторке путь продолжите, так что дальше дороги нет. По реке дня за два до Заречной доберетесь. Строили, говорят, там дорогу в семидесятых, да забросили. Заросла потом вся так, что и не найти.

Очень скоро мы оставили позади последние признаки цивилизации – бледные, как разросшиеся дождливым летом поганки, блочные пятиэтажки, заводские трубы, усердно пачкавшие и без того грязно-серое небо, покосившиеся бетонные заборы. Спустил еще пару часов кончился и асфальт.

Уазик под руководством Михаила бодро подпрыгивал на неровностях грунтовки, исправно копирая их прямо в мой позвоночник. Немного помогало повиснуть на металлической ручке над дверью, но быстро уставала рука, и приходилось вновь отдаваться на растерзание жесткому сиденью, больше напоминавшему взбесившийся отбойный молоток.

Мое настроение наконец-то пришло в гармонию с окружающим миром. То есть улыбаться мне определенно расхотелось. Мой водитель заметил произошедшую во мне перемену и решил, что теперь со мной вполне можно общаться.

– Так, по мне, и делать там нечего, я скажу, в Заречной этой. Народ там странный. Неправильный... – Михаил перекрестился. – Вот вы туда по какому делу?

И правда, по какому я туда, черт бы его побрал, делу? Процесс нравился мне все меньше, а цель так и не стала понятней.

– Родина там моя... Говорят.

Миша покосился на меня, хмыкнул и опять надолго замолчал.

Грунтовая дорога петляла по лесу, то взбиралась на крутые горки, то спускалась, заставляя уазик чуть ли не вплювь преодолевать скопившиеся в низинах глубокие лужи. На одном таком мокром глиняном спуске Михаил не удержал машину, и мы затормозили о ствол дерева. Пока мой водитель матом и ударами ноги ставил бампер в первоначальное положение, я пытался размять затекшие ноги и бродил вокруг, бормоча как Винни-Пух: «Я вчера окончил Йель, чтоб сегодня въехать в ель».

Последние два часа мы ехали в полной темноте. Только слабые фары уазика освещали дребезжащим лучом маленький участок пути перед капотом, иногда выхватывая из мрака седые лапы елей и яркие, то желтые, то зеленые огоньки глаз притаившегося на обочинах местного зверья. «Зайцы – светофоры», – мысли, возникающие в голове после целого дня тряски, нельзя было назвать мудрыми.

За все время пути нам не встретилась ни одна машина. Тем более странно выглядела тонкая женская фигура в светлом платье, внезапно возникшая в свете фар за очередным поворотом. Я вытаращил глаза, но успел заметить только черные волосы и лицо, показавшееся мне нереально красивым. Девушка не голосовала, а когда мы, переваливаясь с кочки на кочку, поравнялись с ней, лишь заглянула в мое окошко и улыбнулась. Михаил равнодушно проехал мимо, даже не взглянув. Оглядываться не имело смысла – сзади машины была непроглядная темень.

– Может, надо было подобрать? – я представил, что сам оказался за бортом автомобиля в этой неуютной темноте, окруженный километрами непролазной тайги, совершенно один. Воплощение кошмара жителя мегаполиса во всей красе.

– Что подобрать? – Михаил машинально притормозил, но останавливаться не стал.

– Ту девушку на дороге. Только что проехали.

Михаил посмотрел на меня подозрительно, снова перекрестился.

– Эка растрясло вас не по-детски. Привиделось вам. Какие тут девушки? Если б медведя увидел, я бы поверил, а девицу... Ну, ничего, скоро уже Крестовский, недалеко осталось. Поужинаете, отдохнете... – Он крепче ухватился за руль и решительно прибавил скорости, с опаской поглядывая в зеркало заднего вида.

Что-то меня начинали напрягать мои галлюцинации. С чего бы? Никогда не жаловался на отсутствие женского внимания и никаких мук от его временного отсутствия не испытывал. С чего бы мне бредить красивыми брюнетками? Но додумывать эту мысль сил и желания не было. Мишин уазик скакал вперед, как конь, почуявший родную конюшню. Хотелось только, чтобы закончилась, наконец, эта пытка ухабами. Хотелось растянуться во весь рост на чем-нибудь горизонтальном и неподвижном, даже на полу, разогнуть сведенные судорогой пальцы руки, цеплявшиеся за эту проклятую металлическую трубу над дверью в попытке ослабить муки многострадального зада. И когда вдоль дороги вместо стройных елок потянулись кривые деревенские заборы, я был почти счастлив.

Глава III

Поселок, в который мы приехали, был погружен в такую же тьму, как и окружающая его тайга. Только в одном месте, видимо, на центральной площади, стоял покосившийся столб с лампочкой Ильича на верхушке, которая, раскачиваясь на ветру, освещала пятачок перед сельским домом – местным, надо полагать, деловым центром. На многочисленных табличках перед входом значилось: «Почта», «Администрация», «Полиция», «Сбербанк», «Аптека»,

«Магазин» и почему-то «ЛДПР». В слове «полиция» буквы п и о выглядели гораздо моложе остальной «лиции». Венчал все это великолепиие портрет Ленина, с восхищением глядящего на лампочку своего имени, явно вышедший из-под кисти какого-то местного таланта. На двери висел амбарный замок, а окна украшали решетки в виде солнышка.

– Отелей в Крестовском нету, – подтвердил мои подозрения Миша. – Мы у моего родственника заночуем, у Силантьича. Вон тот дом – напротив. Сейчас портки наденет и встретит.

Миша нажал на клаксон, ему ответил дружный собачий лай, а в доме, на который он указал, засветилось окошко.

– Мишка, ты, что ли? – раздалось из-за забора.

– Я, Силантьич, с гостем. Отворяй.

Спустя минуту заскрежетали открывающиеся металлические ворота.

Силантьич оказался мужиком лет шестидесяти пяти, с маленькими, но острыми, как буравчики, глазками. Его небольшой рост подчеркивали несоразмерно длинные руки, а борода, закрывающая большую часть лица, окончательно делала похожим на примата. Жена Силантьича, сухонькая женщина без возраста, вставшая среди ночи, чтобы накрыть для нас стол, не утруждала себя изображением радости от встречи. Буркнув что-то напоминавшее «здрассте», она молча поставила на стол кастрюлю с каким-то супом и вновь, зевая, удалилась в спальню.

– От же, учишь их, учишь, – проворчал Силантьич, собственноручно доставая из буфета бутылку с мутной жидкостью и стаканы, – да никак не научишь. Деревенские, что с них взять. Я-то сам не отсюда, с райцентра. Женился на местной да и перебрался к ней. Семья ее крепко тогда на ногах стояла, хозяйство богатое, а я был так, голь перекатная. Ну, за встречу!

Я опрокинул в себя самогон, закусил его несколькими ложками горячего наваристого супа, а Михаил с Силантьичем принялись обсуждать какие-то свои семейные дела. Через десять минут я уже не мог заставить себя вникать в разговор за столом, глаза слипались. Это заметил Миша.

– Силантьич, гость наш совсем притомился, кажись. Поспать ему надо.

– Так это мы запросто, – засуетился хозяин. – И постелено уже. Завтра трудный день, путь неблизкий. Я уж лодку свою подготовил. Иди, Александр, ложись, отдыхай. Вон твоя комната. А мы еще чуток с племяшом посидим.

Не зажигая свет, я со стоном удовольствия растянулся на кровати и закрыл глаза. Кровать тут же сделала попытку взбрыкнуть и превратиться в проклятый УАЗ, а рука попыталась ухватиться за несуществующую опору. Обняв на всякий случай покрепче подушку, я, наконец, провалился в сон. Проснулся я от чувства, что в комнате кто-то был.

– Тс-с, – уже знакомая черноволосая красавица приложила палец к моим губам. От руки девушки исходил запах скошенной травы, полевых цветов и солнца. На этот раз лицо ее было серьезным.

– Слушай меня внимательно. Что-то тут не так. Будь осторожен с этими людьми.

Теперь ее глаза были очень близко.

– Проснись! – девушка неожиданно отпрянула и довольно сильно ударила меня по щеке.

От неожиданности я подскочил на кровати, дико озираясь. Комната была пуста и темна, только в щели под дверью виднелась узкая полоска света из гостиной и доносились приглушенные голоса. Я тихо босиком подошел к двери и прислушался.

– Да кто ж спорит? Деньги хорошие. Только грех на душу брать... – это был голос Силантьича.

– Да, по-любому, ик, поздно дергаться. – Миша был уже изрядно пьян. – Иваныч человек серьезный, его кидать – себе дороже. И ты пойми, Силантьич, непростой это парень. Из этих он, точно тебе говорю. Видит он их, только по ходу не соображает. Я ж тебе рассказываю:

«Стой, – говорит, – давай девушку подберем». А! Я, конечно, дурачком прикинулся, но факт есть факт. И не грех то – свет от нечисти избавить. Да еще и не в накладе будем.

Силантьич снова тяжело вздохнул.

– Да я от уговора не отказываюсь, Миша. Ладно, давай спать, утро уже скоро.

Я открыл глаза и обнаружил себя лежащим в кровати. За окном уже рассвело.

Глава IV

Что это было ночью? Дурной сон, кошмар? Что значит этот странный подслушанный разговор? И был ли он на самом деле?

Я уже в десятый, наверное, раз проверил мобильный. Связи, конечно, не было.

Быстро позавтракав, мы погрузили вещи в уазик и направились к пристани. Миша после ночного питья выглядел неважно, был хмур и неразговорчив. Силантьич же, напротив, бегал бодрячком, помогая перетаскивать поклажу. «Ну вот, – думал я, глядя на длинную, но очень узкую лодку Силантьича. – Так и так суждено тебе поплавать. Ну и что, что это недоразумение с навесным мотором совсем не похоже на отцовскую яхту?»

Я наклонился и зачерпнул воду ладонью. От холода заломило пальцы. «И водичка тут не адриатическая». Стремительный поток проносился мимо причала, закручиваясь в водовороты.

Противоположный берег широкой реки был крут и обрывист. Кое-где на круче росли редкие деревья, умудрившись зацепиться корнями за скалы. Они упрямо тянулись вверх почти параллельно каменистой стене, так, что верхушки были не дальше от ее поверхности, чем основания. «Ну, и в чем смысл? Оказаться к концу нелегкой жизни там же, откуда начинал. С людьми так же, – думал я, глядя на этих несчастных. – Не повезет родиться в правильном месте, и всю жизнь будешь так сражаться с миром только для того, чтобы просто жить. А рядом на ровной земле и богатой почве стоят самодовольные „елки“ вроде меня, стройные и красивые, и смотрят на кривых собратьев, кто с жалостью, кто с презрением. Неудачник. Лузер».

Наконец, все было упаковано, накрыто пленкой от неизбежных брызг. Силантьич со второго рывка завел мотор, Михаил помог мне забраться в лодку и остался на берегу.

– Ну, бывайте. Силантьич даст мне знать, когда вы обратно соберетесь. Я тогда за вами приеду, – проговорил Миша, глядя не на меня, а на дядьку. – Не подведи, Силантьич, понял?

Силантьич хмуро кивнул и крутанул ручку газа. Мощный японский мотор взревел, за кормой вспенились буруны, и лодка, вихляя носом из стороны в сторону, вырулила на стремнину. А я получил порцию ледяных брызг в лицо. Как потом оказалось, первую, но далеко не последнюю.

Постепенно река вошла в узкий каньон. Еще больше ускорившись, она несла нас между отвесных скал. Силантьич был молчалив и полностью сосредоточился на рулении, виртуозно огибая появляющиеся перед лодкой валуны и куски скал. Казалось, его не волнует промокшая насквозь одежда и невероятный холод, от которого у меня уже несколько часов стучали зубы. Я достал из рюкзака и надел на себя всю одежду, которую взял с собой, проявляя при этом чудеса эквилибристики в узкой и подпрыгивающей лодке, но это мало помогло. Оставалось только сжаться в комок и терпеть.

У меня из головы не шел давешний ночной разговор и предупреждение моей странной и прекрасной галлюцинации. Что значит «из этих»? Что значит «он их видит»? Может, стоило повернуть назад? Нет, я же знаю своего отца. Для него почему-то было очень важно, чтобы я добрался до Заречной. Жизненно важно. Или смертельно важно, что одно и то же. Он нечасто меня о чем-то просил. Да практически никогда. Я не мог просто так вернуться, развести руками и сказать: «Понимаешь, папа, там было холодно, а плохие дяди говорили какие-то непонятные слова». Я даже передернулся. Уже не от холода, а представив эту сцену. С тех пор, как себя помню, самым страшным наказанием для меня были не слова осуждения (отец никогда

в жизни не повышал голос), а разочарование мной в его взгляде. Поэтому я отбивал кулаки на тренировках, в то время как мои одноклассники сражались в компьютерные игры. Поэтому я сидел ночами над учебниками в Йеле, когда мои собратья по «золотой молодежи» носились по Нью-Хейвену на своих «Мазератти», шокируя местное население, и глушили шампанское в ночных клубах Бостона и Нью-Йорка. Нет, назад я не поверну.

Уже начинались сумерки, когда скалы немного расступились и впереди появился крошечный кусочек галечного пляжа. За ним виднелось узкое ущелье, уходящее вглубь горы перпендикулярно реке. Силантьич прошел еще немного ниже по течению, затем по широкой дуге развернул лодку. Мотор взревел на полных оборотах, преодолевая сопротивление несущейся навстречу воды, и мы плавно причалили к берегу. Силантьич торопливо выскочил на сушу и, пока лодку не стащило течением с камней, накинул швартовы на вкопанный в землю столб.

– Добрались, – сказал он. – Здесь переночуем. Ниже места опасные, пороги. К ночи лучше не соваться. Завтра с утра и двинем.

Чуть дальше по ущелью я заметил деревянную сторожку, рядом с которой, перевернутая вверх дном, лежала такая же лодка, как та, на которой мы прибыли. Может, немного поменьше. Силантьич подошел к ней, внимательно осмотрел со всех сторон, вздохнул, вернулся к реке и принялся снимать двигатель.

– Барахлит чего-то, надо проверить, – ответил он на мой вопросительный взгляд. Наконец, справился с креплениями, кряхтя поднял тяжеленный двигатель и перенес на берег. Подумал немного и извлек из лодки канистру с бензином. Потом достал весла, отнес к домику и там прислонил к стенке. Вернулся к лодке, постоял.

– Там это, ключи гаечные в рундуке под сидением на корме, достань, будь добр. А то мотор разбирать надо. Я лодку придержу, чтобы не шаталась.

Я залез в лодку и стал пробираться к корме, переступая через скамейки. Резкий толчок повалил меня на дно. Оглянувшись, я только увидел, как Силантьич с неожиданной для его щуплой фигуры силой оттолкнул лодку от берега. Ее мгновенно подхватило течением, завертело и поволокло на стремнину.

Силантьич перекрестился, отвернулся и, ссутулившись, побрел к сторожке.

Глава V

«Вечер перестает быть томным», – эта дурацкая фраза первой пришла мне в голову. Страшно болела правая рука, на которую я наверхнулся в лодке. Похоже, сломана. С одной левой на таком течении у меня никаких шансов не было, даже имей я весла, которые уволок подлец Силантьич. Прыгать в бурную ледяную воду этого сибирского Стикса – чистое самоубийство. Быстро темнело, я уже с трудом мог разглядеть проносящиеся назад крутые скалистые берега. Неуправляемая лодка вертелась и подпрыгивала на бурунах, часто, с характерным звуком, задевая торчащие из воды круглые камни. Силантьич, тоже мне, Харон хренов, что-то говорил про опасные пороги ниже по течению.

Внезапно я увидел какие-то отсветы на деревьях впереди по правой стороне. На такой скорости долго гадать не пришлось. Уже через несколько секунд я разглядел горящий на берегу костер и две темные фигуры, сидящие возле огня. Река не давала мне времени на раздумья. Я отчаянно закричал, пытаясь перебить шум реки, и перевалился через борт лодки. Та, словно лошадь, потерявшая в бою седока, взбрыкнула с перепугу и резво унеслась в темноту. Холодная вода немного притупила боль в сломанной руке, и я изо всех сил устремился к правому берегу. Очень скоро я убедился в том, что силы у меня и у реки, конечно, неравные. Костер исчез за поворотом, а ноги сковала судорога. Конец моим мукам положил чудовищный удар головой обо что-то твердое. Сознание мгновенно покинуло меня, избавив от страданий.

Обратную дорогу сознание преодолеvalo гораздо дольше и болезненней. Первое, что я почувствовал, было страшное жжение в легких и тошнота. Меня вырвало речной водой. От этого действия в голове раздался ядерный взрыв боли, а неосторожная попытка схватиться руками за раскалывающийся череп тут же напомнила о сломанной руке. В такой ситуации организм счел самым благоразумным тихонько застонать и вновь отключиться.

Второе мое пришествие в этот мир уже не сопровождалось такими эффектами апокалипсиса, но голова все еще раскалывалась от боли.

– Попей, парень, это хорошие травки, помогут, – я почувствовал край кружки у своих губ, сделал глоток какой-то горячей горькой жидкости и открыл глаза. Вернее, один глаз, потому что второй не открывался. Видимо, заплыл после удара головой о камень в реке. Надо мной склонился мужчина лет сорока, его длинные темные волосы были перетянуты очельем. У него было простое открытое лицо, из тех, что сразу вызывают доверие и симпатию. Похожий на него, только с короткой стрижкой парнишка хлопотал неподалеку у костра.

Моя правая рука была упакована в самодельный лубок.

– А можно такой же на голову? – пробормотал я. – А то, боюсь, расколется сейчас.

– Шутишь, – улыбнулся мужчина, – значит, жить будешь. Мы совсем чуток не успели. Собрались сразу, как Олеся сказала, что беда с тобой. Спешили, как могли, но все равно опоздали. Если б ты не закричал да с лодки не выпрыгнул, не спасли бы. Там дальше страшное место, размолотило бы тебя с посуды твоей в щепки.

– Спасибо, а вы кто? И что за Олеся? – спросил я, хотя по поводу этой самой Олеси у меня вдруг мелькнула догадка. – погоди, не отвечай. Олеся – это такая офигенно красивая барышня с длинными черными волосами и огромными глазами?

– Ну вот, видишь, ты уже в курсе, оказывается. А Олеся говорила: «Вы его не напугайте только, он не в теме пока».

– Я и правда не в теме. Но и не пугливый. Так что, будь добр, давай по порядку.

– Ну, по порядку так по порядку. Я, значит, Федор, это мой сын, Никитой звать. Из Заречной мы.

Глава VI

Родина моя малая совсем не простой оказалась. Ох какой непростой. Дорогу в Заречную тоже не просто так не смогли проложить. Не нужна она была предкам моим – ведьмам и ведьмакам, вот и не дали построить. Сил своих на это положили немало. То оползень сойдет, то трещины в земле образуются. А когда вдруг выяснилось, что геологи и картографы ошиблись направлением градусов на девяносто, строители сдались окончательно. В Союзе как было? Кончился бюджет, сели работяги в свои тракторы с грейдерами и уехали восвояси. Потом с перестройками и путчами и вовсе позабыли о деревне такой – Заречье. Зареченцам только того и надо было. Не могли они жить с людьми. Их боялись, ненавидели, преследовали. Вот и отгородились как могли от мира те, кто уцелел. Убежал сюда, скрываясь сначала от попов, позже от НКВД-КГБ разных, а с недавнего времени опять от попов и ФСБэшников, причем зачастую уже в одном лице.

От таких новостей мне следовало бы впасть в ступор, испугаться, ну, или хотя бы сильно удивиться. Ничего из положенного я вовремя не сделал, слушая увлекательный рассказ Федора, а когда собрался, оказалось, что уже не очень хочется. Вместо этого я спросил:

– Скажи, Федор, а я тоже, получается, ведьмак? Ну, раз родом отсюда?

– Это необязательно, может, и вовсе нет. У нас детишки не все со способностями рождаются. Есть и обычные люди. Хотя, если Олеся во сне до тебя достучалась, то что-то в тебе есть. Иначе бы не вышло у нее ничего. А бывает и так, что этот дар дремлет внутри, проявляясь только в самые критические моменты. В общем, у всех по-разному.

«Так вот, – подумал я, – какой у тебя, отец, оказывается „ангел – хранитель“. Просто ведьмак ты, батя, только слабенький. Латентный, так сказать».

– Слушай, вы ведь меня из реки вытащили, так? Мокрого. На мне сто одежек было, а очнулся я сухим. Это тоже ваши штучки?

– Это чепуха. Вон – даже Никитка такое умеет. Ему и костер разжечь спички без надобности. А тебя высушить и согреть первым делом надо было, а то так и воспаление легких схва-

тить недолго. Водичка тут злая, не Сочи. Вот с рукой и головой твоей – это к Олеся надо. Только она тебя починить может. Нам не дано.

– Подождет рука, Федор, видно, травмы ваши помогли, уже не так болит. За мной должок остался, а я отдавать привык. Должен я человеку тому, кто меня в это увлекательное плавание на тот свет отправил. Может, застанем его еще в сторожке этой, вроде я не очень далеко уплыть успел?

Федор задумался, что-то прикидывая в уме.

– Да напрямик – рядом считай. Это река петляет долго, а мы часа за два через эту горку доберемся. Только надо ли, Александр? Знаю я этого Силантьича. Дрянь-человек, но в душегубстве вроде замечен не был. Может, ну его?

– Надо, Федя, надо! – я рассмеялся от случайной цитаты, но тут же скривился от приступа головной боли. – Не привык я быть должным, да и отец бы не понял. Сейчас еще чайку вашего ведьмовского выпью и двинем, ладно?

– Ну, надо так надо. Олеся сказала, ты парень толковый, знаешь, что делаешь, хоть не всегда и понимаешь. Да, так она и сказала.

Пока я пил, обжигаясь, горячий отвар, который приготовил по своему колдовскому рецепту Никита, мои спасители быстро собрали импровизированный лагерь. Все хозяйство уместилось в два средних размеров рюкзака. Туда же перекочевала большая часть постиравшейся прямо на мне одежды, потому что мой собственный рюкзак со всеми вещами теперь покоился на дне реки, где-то ниже по течению, среди знаменитых местных порогов. Так что определение «голь перекатная» подходило сейчас ко мне даже лучше, чем к Силантьичу на момент его выгодной женитьбы.

Вдалеке от ледяной реки становилось жарко, будто выключили мощный кондиционер. Я, как выжившая, но не до конца уцелевшая жертва кораблекрушения, шел налегке. Сказывалась слабость от сотрясения мозга, пот заливал единственный открытый глаз, и зверски мешала рука, висящая на куске ткани. Словом, тот еще рейнджер. С моими частыми остановками на отдых, скорее напоминавший обмороки, путь занял гораздо больше обещанных двух часов, но к полудню мы все-таки вышли к сторожке. Силантьич был еще здесь.

Глава VII

Он уже успел спустить на воду вторую лодку, которую так внимательно осматривал вечером, и навесил двигатель.

– Федор, подождите с Никитой здесь, ладно? Я сам.

Федор кивнул, и они с Никитой остановились. А я двинулся дальше. До сторожки, возле которой возился с вещами Силантьич, было еще метров сто. Как ни старался я не шуметь, Силантьич меня все-таки учуял. Поднял голову, присмотрелся. По его изменившемуся от ужаса лицу я понял – узнал. Он резко вскочил и бросился к лодке, где поверх поклажи лежало его ружье. Я понял, что сваял дурака и ничего не успеваю сделать. И вот тут я сам застыл с открытым ртом. Федор, который остался за моей спиной, теперь спокойно стоял между Силантьичем и лодкой. Несмотря на его расслабленную позу и добродушное лицо, всем как-то стало очевидно – мимо Силантьичу не проскочить. Тот заметался в панике, потом развернулся и побежал ко мне.

– Не погуби, Саша, не со зла я, не погуби, – запричитал Силантьич, бухнувшись передо мной на колени и в суеверном ужасе косясь на стоящего у реки Федора.

Я опустил на землю рядом с Силантьичем. Что-то мне немного поплохело.

– Хватит, Силантьич, кончай сельский спектакль устраивать. Не люблю самодеятельность. Рассказывай.

Силантьич замолчал, тяжело перевалился с коленей на задницу.

– Говорил я Мишке – не сдюжу, не убийца я. Вот и не смог своими руками, реке доверил дело это поганое. Ей-то не привыкать. Да оно и к лучшему, что не вышло. Не хочу я крови на своих руках. Мне уж скоро перед Ним ответ держать, – Силантьич поглядел на ярко-синее небо, – и так не святой, куда мне еще этот грех.

– А Мишке зачем моя смерть понадобилась?

– Да не ему, он мелочь в этом деле. Иванычу ты дорогу перешел, вот он и заказал.

– Что еще за Иваныч?

– Терехов Виктор Иванович. Из самой Москвы. О нем Мишка спьяну упомянул. От него и деньги, и заказ. А больше не знаю ничего. Наследник, мол, ты богатый, мешаешь кому-то.

Вот так. Виктор Иванович. Дядя Витя. Нянька моя любимая. Член, мать его, семьи.

Силантьич замолчал в испуге, видя мое изменившееся лицо. Неслышно подошли Федор с Никитой.

– Что, Саша, плохо дело? – Федор тоже почувствовал мое состояние.

– Хуже некуда. Мне обратно надо. Мне связь нужна. Срочно.

– Нельзя тебе в Крестовский, – Силантьич попытался подскочить, но Федор не церемонясь усадил его на место.

– Пойми, Мишка просто так не отступится.

От волнения дед даже не обратил внимания на то, что снова оказался на земле.

– Он сам у них на крючке. Знает, что без башки останется, если дело не доделает. Я уж не говорю, что и мне крышка, если ты там живой объявишься. Да и не один он там, – Силантьич сплюнул с досады. – Вот же, бес попутал на старости лет.

– Это правда. Нельзя тебе в Крестовский одному. И нам туда никак нельзя, сам понимаешь, – сказал Федор.

Да, задачка. Надо дать знать отцу, что самый его доверенный человек – предатель. С другой стороны, понятно, что, не будучи абсолютно уверенным в моей гибели, Терехов не решится на какие-то следующие шаги. Он будет ждать подтверждения. Какое-то время, значит, у меня и у отца есть.

– Федор, отойдем на минутку, поговорить надо без лишних ушей, – попросил я, – Никита, присмотришь за этим товарищем?

Никита кивнул, перебросив охотничий дробовик из-за спины на грудь. Силантьич же заметно приободрился. Раз что-то скрывают, значит, убивать не собираются. Иначе зачем секретничать?

– Как считаешь, Федор, сможет ваша Олеся моему бате сообщение передать? Во сне или как там она это делает. Если со мной получилось, то ведь и с ним должно. Мы же родня, да и отец не без ваших способностей, я точно знаю.

– Далековато до Москвы. Но Олеся сильная, да и отец твой наверняка о тебе думает, а значит, и о Заречной. Должно помочь. В любом случае это единственный вариант. Обратно в Крестовский тебе точно пока нельзя возвращаться. А вот Силантьича я бы туда отправил. Пусть доложится, что вроде все сделал, но чтобы у них сомнения остались. Они попытаются проверить. Разбитую лодку поискать или твой труп у порогов. Там утопленников часто на мель выносит на изгибе реки. Они это знают. Вот пусть и поищут. Надо заставить их ждать. Чем дольше, тем лучше.

Мы вернулись к притихшему Силантьичу.

– Значит, слушай меня внимательно, Вергилий недоделанный. Отправишься сейчас домой, целый и невредимый, но не потому, что я добрый. Михаилу своему и кому там еще доложишься. Перескажешь все, что было вчера. Не бойся, пожурят тебя, конечно, что не довел свое дело до конца и не проверил, может, побьют слегка, но убивать точно не станут. Ты еще им понадобишься в поисковой экспедиции. Кроме тебя реку никто так хорошо не знает. О сегодняшней нашей встрече молчи, целее будешь. Почему – объяснять не надо?

Силантьич усиленно замотал головой. До этого, пока я говорил, он так же усиленно ею кивал.

– Погоди минутку, – Федор посмотрел на лодку, – Никита, вынь, будь другом, боек из его ружья да закинь в воду. И проверь там все на предмет оружия.

Через пять минут мы уже смотрели, как Силантьич на полных оборотах удалялся по реке в сторону Крестовского.

Глава VIII

Путь до Заречной был долгий и мучительный. Рука все-таки распухла и посинела, как спелый баклажан, и никакие травы уже не помогали. Видимо, еще поднялась температура. Я механически переставлял ноги, бессмысленно глядя в спину идущего впереди Федора. Хорошо, что ловкий Никита, шедший сзади, всегда успевал вовремя подхватить мое периодически заваливающееся тело и вновь придать ему вертикальное положение. Следить за дорогой или тем более любоваться окружающей дикой природой мне было недосуг, но все время не оставляло чувство, что мы ходим кругами, постоянно поворачивая направо. Время от времени я узнавал те же скалы, мимо которых мы проходили час назад, те же деревья и повороты.

– Никита, – негромко спросил я парня, – а твой батя не заблудился, случаем?

– Не, дядь Саш, это самая прямая дорога к нам в Заречную. А вот если, как вам кажется, прямо пойти, то как раз кругами ходить и будете. Пока солярка не кончится, – Никита весело, по-детски, рассмеялся своей шутке и с гордостью добавил: – Олеся постаралась. Нечего чужакам к нам дорогу знать, и гости нам не нужны незваные. Сильный морок, работает как надо. По вам видать. Да мы пришли уже, разве не видите?

– Чего «не видите»? – хотел было передразнить я парня, но вдруг обнаружил, что идем мы уже не по тайге, а по обычной деревенской улице, мимо аккуратных бревенчатых домиков. Мы подошли к одному из них. Федор распахнул двери.

– Ну вот, заходи, Александр. Погостишь пока у нас, – сказал он, пропуская меня вперед. – Сейчас Машу, жену мою, кликну, она постелет. Лечь тебе надо, вид совсем как у покойника. А ты, Никитка, за Олесей беги, скажи, срочно надо. Как бы гангрена не началась, – добавил Федор, глядя на мою руку.

Что было дальше, я плохо помню. Кто-то снимал с меня ботинки, укрывал одеялом, заставлял что-то пить. Я был словно в тумане, пока... Пока снова не увидел эти глаза. Огромные, прекрасные, черные глаза моей таинственной знакомой незнакомки. Если бы я не видел их раньше, я бы решил, что умер и попал в далекий черный космос, где лечу теперь радостно между звездами и галактиками, удаляясь со световой скоростью от покинутой навеки Земли. Я погружался в эти зрачки безвозвратно и с каким-то губительным упоением.

Вдруг наваждение отступило.

– Ты мне тоже нравишься, но, пожалуй, я немного перестаралась. Хотелось произвести хорошее впечатление при первой встрече. К нам нечасто заезжают принцы.

На стуле возле моей постели сидела моя Беатриче-Олеся (ну, если уж Силантьич – Вергилий) и улыбалась. Потом, взглянув на мою синюю руку-баклажан, добавила:

– Со сломанными конечностями.

Сейчас, наяву и при дневном свете, Олеся ничем не напоминала ту роковую женщину, что являлась ко мне во снах. Нет, у нее по-прежнему были длинные черные волосы, прекрасные карие глаза, белозубая обаятельная улыбка. Но это была уже не взрослая опытная женщина-вамп. Передо мной сидела практически девчонка, пытающаяся за шутками и напускной бравадой скрыть смущение.

– И вовсе я не девчонка. Мне уже девятнадцать, – возмутилась, словно прочитав мои мысли, Олеся. А может, и правда прочитала, кто их, ведьмочек, знает. – Ну прочитала немного, да, извини. Обычно я этого не делаю. Люди не любят. Значит, вот какой я к тебе во сне явля-

лась? Роковая женщина-вамп? Прикольно. Хотя объяснимо. Я же во сне являюсь, в смысле, я тоже тогда сплю, только сон свой контролирую. Но не до конца. Подсознание тоже рулит иногда. Видимо, это оно хотело меня «улучшить», как оно это понимает. А тебе какая больше нравится? – снова не удержалась от подначки девушка.

От неожиданного вопроса я смутился и, кажется, даже покраснел, чего со мной не случилось с далеких школьных времен и первых влюбленностей.

– Ладно, шутки в сторону. Лечить тебя будем, – посерьезнев, прервала мои мучительные поиски достойного ответа Олеся.

– Федор, тебе лучше выйти, – она обернулась к стоявшему все это время у входа хозяину дома. Тот молча прикрыл за собой дверь.

Олеся подвинулась ближе и положила ладони на мою руку.

– Не бойся, тебе-то больно не будет. Расслабься. И лучше на меня не смотри. Я некрасивая буду. Временно.

– Готов? – Олеся прикрыла глаза. Я почувствовал, как от ее ладоней повеяло холодом, будто мою руку опустили в жидкий азот. Это длилось несколько секунд, потом холод сменился жаром.

– Я беру твою боль, – прошептала девушка еле слышно.

Внезапно лицо Олеси исказилось, на лбу выступили капли пота. Я взглянул на ее руки. Правая стремительно покраснела, потом на ней проступила синева. Еще спустя несколько секунд синева исчезла, и рука снова стала розовой. Но на Олесю страшно было смотреть. Черты лица ее заострились, под глазами появились черные круги. Внезапно она пошатнулась, лицо побелело. Потом силы окончательно ее покинули, и она со стоном завалилась вперед, уткнувшись лбом в мою грудь.

Я лежал, словно пьяный. То ли от того, что терзавшая меня последние сутки боль бесследно ушла, то ли от дурманящего запаха волос моей спасительницы. Я с удивлением обнаружил, что левой рукой обнимаю девушку за плечи, а правой, совершенно и удивительно здоровой, глажу ее по голове, приговаривая какую-то ласковую чушь.

В таком положении и застал нас Федор, не выдержав ожидания под дверью. Олеся вновь слабо застонала, попыталась приподнять голову и открыла глаза, которые оказались прямо напротив моих. Кровь потихоньку возвращалась к ее лицу, чернота под глазами исчезла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.